

Испорченный телефон

Вера Михайловна Климова неспешно передвигалась по оживленной улице своего родного города. Наконец, заглянула весна. Заглянула робко и осторожно, словно проверяя, примут ли ее гостеприимно. Приняли: гурьбой вывалили на улицу, бродили туда-сюда с блаженными улыбками на устах.

Время от времени Климова замирала возле магазинных витрин, якобы изучая манекены, разодетые в яркие одежды. На самом деле, любовалась собой, женщиной вполне себя зрелого возраста, но выглядывшая лет на десять моложе, что считала своей собственной заслугой: не жалела денег на средства для ухода за лицом и телом, регулярно принимала витамины и другие препараты «для молодости, бодрости и тому подобного». Делала это исключительно для себя, ни в коем разе не мечтая снова выйти замуж. Овдовела женщина десять лет назад, сын давно создал свою семью и живет собственной жизнью. Звонит пару раз в неделю, появляется у матери и того реже, но она не обижается, вспоминая себя в его годы.

Остановившись в очередной раз перед большим стеклом, служившим Вере Михайловне зеркалом, поправила прическу, сняла и вновь водрузила на переносицу солнцезащитные очки, улыбнулась сама себе, облегченно выдохнула, как будто увиденное, наконец, убедило ее в том, в чем она до сих пор сомневалась, и уже намеревалась продолжить свою беспечную прогулку, как рядом остановилась какая-то дамочка в аляповатом берете, лихо сдвинутом на одно ухо, пальтишке невзрачного серого цвета, вокруг шеи был намотан ярко-зеленый шарф, который примерял пальто с беретом и освежал его обладательницу. На бледном лице дамы выделялись красные вампирские губы и неестественно-черные брови. Видимо, ни помады, ни карандаша для подводки бровей она не пожалела. Вера Михайловна вознамерилась обойти дамочку, вероятнее всего, ее ровесницу, но выглядывшую гораздо старше (кто бы сомневался), но та неожиданно остановила ее вопросом, заданным панибратским тоном:

- Как думаешь, мне эта блуза пойдет? – и кивнула на манекен, облаченный в кремовую блузу в мелкий черный горох и черную же юбку-футляр.

- Вопрос не по адресу, - буркнула Климова, пристально посмотрела на незнакомку и воскликнула, - Маринка? Ты?

- Слава тебе господи, узнала, - улыбнулась старинная знакомая, - а я так тебя сразу заприметила, но засомневалась – ты иль не ты.

- Сильно изменилась? – подобралась Вера.

С Мариной Юрьевной Павловской они виделись последний раз более пяти лет назад, а в их возрасте, как известно, за такой период времени внешность меняется кардинально, от былой красоты, чаще всего, не остается ни следа, как бы ты не пытался приостановить процесс увядания всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Однако, самообман пока никто не отменял, что тоже вносит свою лепту в поддержание «формы и содержания». Есть и такие возрастные женщины, кто беспечно махнул на себя рукой и живет дальше, шагая по жизни под ручку со старостью, заранее избавившись от всех зеркал. И опять на лицо самообман, но другого рода.

- В том-то и дело, что ничуть не изменилась, по мне так даже помолодела, потому я и засомневалась, - искренне призналась Павловская. – Время быстро летит, будто бы недавно мы с тобой школу окончили и вот... пенсионерки, - загрустила женщина.

- Не печалься, в нашем возрасте есть своя прелесть – никуда спешить не нужно, живи и наслаждайся.

- Если нет проблем со здоровьем, - продолжила Марина с печалью в голосе.

- Не хочу быть навязчивой, но не могу не спросить: ты больна? Я могу чем-то помочь? – вкрадчиво поинтересовалась Вера.

Павловская промолчала, ее мысли переключались куда-то далеко, не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять по ее отстраненному лицу. Вера Михайловна даже слегка обиделась. Она переминалась с ноги на ногу, не зная, что ей предпринять. Уйти, не прощаясь, и оставить Маринку одну со своими, скорее всего, не самыми счастливыми мыслями, как-то неловко, но и стоять истуканом тоже не хотелось. Впрочем, как и портить хорошее настроение. А оно, настроение, обязательно испортится, когда Маринка поведаст свою историю, потому как Вера Климова умела искренне сострадать и сочувствовать.

Не нашла ничего лучше, как дернуть подругу, с которой они десять школьных лет просидели за одной партой, за рукав ее невзрачно-серого пальто, таким нехитрым и неробким способом вернуть на грешную землю. И уже приготовилась к успокоительной речи после слезливых признаний, но открыла рот от неожиданности, услышав то, чего никак не ожидала услышать.

- Верка, я влюбилась, - придя в себя, призналась Павловская. Призналась просто, без эмоций, словно сообщила о невероятно вкусном борще, приготовленном к обеду, который всегда считался ее коронным блюдом.

- Ничего себе, - протянула Верочка, округлив глаза до невероятных размеров.

После чего внимательнейшим образом изучила подругу заново, для этой цели отступила на пару шагов. Поводила оценивающим взглядом вниз-вверх, вверх-вниз, задумчиво подняла и опустила плечи, угодив в тупик непонимания. Вспомнилось время былое, беззаботное, когда Маринка была молодой-зеленой и невероятно влюбчивой. Несмотря на свою внешность «на любителя» она имела бешеный успех у противоположного пола, чего не скажешь о симпатяшке Верочке. Маринка расставалась с поклонниками легко и навсегда, как сама объясняла: прошла любовь, завяли помидоры. На смену предыдущей жертве приходила следующая, которую ждал тот же вердикт «с помидорами».

К своим шестидесяти годам Марина Юрьевна Павловская успела четыре раза побывать замужем, четыре раза развестись и будто бы успокоиться, ан нет...

- Вот так, - развела руками «неожиданно» влюбленная особа прекрасного возраста и повернулась спиной к витрине с манекеном, завладевшим ее внимание каких-то пять минут назад. Затем не выдержала и оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что видела блузу в горошек своими глазами, а та не родилась в ее воображении, с которым не все гладко.

- И кто он? – тщательно подобрала вопрос Вера Климова, едва удержавшись от возгласа «ты с дуба рухнула!».

- Человек, - задумчиво протянула Павловская.

- И то слава богу, - усмехнулась подруга. Подумала и продолжила, слегка лукавая, - ну, хорошо, влюбилась и влюбилась, ничего странного и удивительного, в этом нет, как известно, любви все возрасты покорны, но...

откуда грусть-тоска? Или он... не отвечает тебе взаимностью? Так плюнь и разотри! Подумаешь, - протянула она, прищурившись.

- Вроде тоже любит меня, но я... сомневаюсь, что это надолго... Он моложе...

- Намного?

- На три года.

- Пустяк.

- Наверное, но выглядит он... выглядит он прекрасно. А я... кулема. Поздно что-то менять... На пластическую операцию не пойду никогда, тогда я буду уже не я – не та женщина, которую он полюбил... А что делать? – погрузившись в себя, спросила Марина. Вопрос явно был адресован тому мужчине, который завладел ее сердцем, но задать вопрос напрямую она никогда бы не решилась. И теперь как бы разговаривала сама с собой.

Вера Михайловна тут же зашебетала, излишне повысив голос, чтобы завладеть вниманием подруги. Но вышло иначе – привлекла внимание прохожих.

- Маринка, у меня есть прекрасное средство! Думаешь, я хорошо выгляжу благодаря своим генам?! Конечно, маме-папе и другим предкам огромное спасибо, но у меня есть свой секретик... Слышишь меня? – Подруга кивнула. – Так вот... Два раза в год я пропиваю курс... одного лекарственного препарата. Октолипен называется. На инструкцию по применению можешь не смотреть, лекарство, действительно, омолаживает организм. Проверено на себе! Пропьешь курс и увидишь, как твое лицо преобразится и улучшится общее состояние. Поняла?

- Поняла, - кивнула Марина.

- Записать название или запомнишь?

- Я запомнила, провалами в памяти пока не страдаю.

- Вот и отлично, тогда я полетела. – Климова махнула рукой и поплыла дальше по течению.

Павловская проводила ее невидящим взглядом и потянулась в противоположном направлении. Перешла проезжую часть, оказалась в сквере и опустила на скамейку. В сумке затрепыхался мобильный телефон.

Марина Юрьевна взглянула на дисплей и поморщилась. Звонила ее дальняя родственница, «седьмая вода на киселе», вечно больная и несчастная. Как говорилось в одном фильме – на тебе пахать надо! Это о ней, о родственнице, звавшейся Илоной Витальевной Мазур.

- Да, Илона, - сдержанно ответила Павловская, не ожидавшая от предстоящего разговора ничего хорошего.

- Мариш, ты как? – для вида спросила «седьмая вода на киселе», не собираясь выслушивать ответ, ей главное - поведать о своих страданиях и проблемах.

- Весна, - пространно заметила Марина Юрьевна.

- В том-то и дело, что весна: кому-то любовь, кому-то обострение всех хронических заболеваний, - будто прочитав ее мысли, обронила с недовольством Илона Витальевна.

- Что не так? – отстраненным тоном спросила Павловская.

- Всё не так, представь себе!

Далее последовала череда причитаний, поэтому Марина привычно отодвинула трубку от уха и задумалась о своем, о личном.

- ...И что делать, ума не приложу, - заключила Илона и показательно вздохнула, дав понять, что монолог подошел к логическому завершению, настал черед советов, что станет твердым подтверждением глубокого участия.

- Встретила одну знакомую, она рассказала об одном чудодейственном средстве – прям от всех болезней, - выдержав паузу, сказала Марина, пытавшаяся выкарабкаться из трясины собственных переживаний, но всё безуспешно.

- Да ты что! – подобралась Илона Витальевна. – И что за средство? Как называется? В аптеке его можно купить?

- Можно купить в аптеке, причем без рецепта врача, раз моя знакомая принимает его... два раза в год, - протяжным голосом поведала Павловская. – Она все больницы с поликлиниками обходит десятой дорогой, уж я точно знаю. А называется лекарство... называется... оксолин.

- Я знаю оксолиновую мазь, - недоверчиво протянула родственница и отрапортовала, - она защищает кожу и слизистые от патогенных микробов.

- Ну, да, назальная мазь, - что-то вспомнив, обронила Марина.

- А как...

- В том то и дело, что защищает! - перебила Илону Павловская. - Это ключевое слово. Сама знаешь: кто не болеет, тот долго живет.

- Выходит, мазь можно применять... не по назначению? - спросила Илона, заглядывая в духовку, где «засели» пироги с яблочным повидлом. Пироги начали пригорать. Женщина засуетилась, стараясь спасти любимую выпечку любимой внучки.

- В этом весь секрет! – отрезала Павловская.

- Ой, спасибо тебе, Маришечка, - пробормотала родственница, ругая свою беспечность последними словами. Ко всему она сильно обожгла палец.

Когда готовые пироги были извлечены из духовки, выложены на блюдо и накрыты чистым полотенцем, Илона Мазур вознамерилась записать название мази, но из школы вернулась любимая внучка. Бабушка ее накормила и усадила делать уроки. А сама собрала в Интернете всю информацию о чудесной мази, которую ей посоветовала Марина, и, недолго думая, отправилась в аптеку.

Во дворе на скамейке сидела соседка, непроходимая дура Наталья Мелетьевна Пригода.

- Куда путь держишь? – спросила она у Мазур, одарив ее «приветливым» взглядом.

- В аптеку иду, тебе ничего не нужно?

- Мне уже никто и ничто не может помочь!

- Да, ладно, ты моложе меня на два года.

- А что, шестьдесят три - это мало?! – взвилась Пригода.

- Для семнадцатилетних много, для девяностолетних – практически ничего, - философски рассудила Мазур. Хотела пожаловаться на собственные хронические заболевания, обострившиеся по причине наступившего тепла, но быстро передумала: в лице Пригоды она не найдет должного понимания.

- И то верно, - подумав, согласилась Наталья Мелетьевна. – И чего тебе понадобилось в аптеке? Может, и мне нужно.

- Родственница посоветовала... мазь от всех болезней.

- Что за мазь?

- Мазь... окопник, - неуверенно пробормотала Илона и непроизвольно посмотрела на свой пострадавший от ожога палец, на котором образовался живописный волдырь.

- Окопник? - вскинула свои кустистые брови пышнотелая Пригода.

- Да.

- И что в ней... в мази этой такого?

- Помогает, говорят.

- От чего?

- От всего, - отмахнулась Илона Мазур.

- Нет, ты погоди, мне нужны подробности, я женщина немолодая и хвораю, вдруг, да поможет.

Илона Витальевна напрягла память, пытаюсь вспомнить то, что она вычитала в Интернете о мази окопник, нисколько не сомневаясь, что Марина Павловская называла именно эту мазь.

- В состав входит настойка живокоста, витамин «Е», гуаровая медь и что-то еще, - с умным видом произнесла Илона Витальевна и пошла своей дорогой.

Во дворе появилась еще одна особа, Ирина Константиновна Лукова.

- Ира, мне сейчас наша вечно больная Илонка сказала, что есть одна мазь, помогает от всех болезней.

- Да, ну?! – не поверила Лукова. – Для наружного применения? – на всякий случай уточнила она.

- Это ж мазь! Применяется при болях в суставах.

- Не будут мучит боли, станешь больше двигаться, сбросишь лишние килограммы, как следствие – помолодеешь, - задумчиво протянула Ирина, обожавшая поразить всех соседей собственной эрудицией и умением

выстраивать логические цепочки. Данная выстроенная в один миг логическая цепочка ей очень понравилась, заинтересованным голосом она обратилась к Наталье Пригоде, - что за мазь?

Наталья Пригода пребывала в расстроенных чувствах: жаль, не упростила Илонку Мазур купить ей мазь от всех болезней. Вдруг всю раскупят и больше не привезут. Как тогда? Выходит, Илонка будет скакать и прыгать, а она, несчастная Наталья Мелентьевна Пригода, - мучиться от постоянных болей...

Лукова воззрилась на «одухотворенное» лицо местной блаженной и пожалела, что вступила с ней в разговор – только зря время потратила.

- Так... это... живица. Мазь живица, - вздохнула Пригода и с надеждой взглянула на Ирину Лукову, желая услышать подтверждение собственным словам или, в крайнем случае, опровержение.

- Кажется, я что-то о ней слышала, только запах у нее сильный – скипидарный, - пробормотала Ирина и собралась отправиться домой, но ее догнал вопрос Пригоды:

- Ирина Константиновна, что за живица такая?

Ответ соседки Наталья Мелентьевна Пригода слушала вполуха, потому как наблюдала за одной молодой с верхнего этажа, которая бесстрашно мыла окно, стоя на подоконнике. Наблюдала и размышляла: вывалится молодая или нет?

- Живица – это смолистая масса, довольно густая, появляется из разрезов на стволах хвойных деревьев... Я могу идти?

Пригода кивнула, продолжая строить догадки...

На смену Луковой пришла еще одна местная достопримечательность – бабка Дуся, она же Евдокия Ивановна Гонтарь, поражающая всех «умом и сообразительностью». Впрочем, ей все прощалось: бабке Дусе на днях стукнуло восемьдесят восемь лет. Она по-прежнему шустро передвигалась, отказывалась от чужой помощи, но с головой не дружила от слова «совсем».

На ее фоне непроходимая дура Наталья Мелентьевна Пригода была лауреатом нобелевской премии, не меньше. По крайней мере, сама так считала. Последние слова Ирины Константиновны, авторитетного человека, крепко засели ей в голову.

- Баба Дуся, у тебя суставы болят? – с наскока спросила Пригода.
- Суставы? – задумалась бабка Дуся, словно вспоминала, что это за суставы такие, потом решила согласиться. – Болят, как у всех.
- Есть средство, чтобы не болели.
- У меня денег нет! – выпалила бабка, надеясь на пожертвование.
- Бесплатно!
- Да ну?
- Даже не сомневайся. Значит так – берешь хвойную смолу...
- Да, где ж я...
- Ты, баб Дусь, как только что родилась: где, где, она, смола эта, прям из дерева вытекает, если его... надломить.
- И?
- Этой смолой надо намазать суставы и вся недолга.
- На ночь мазать? Наверное, нужно чем-то замотать?
- Конечно, что за глупые вопросы!
- Тогда чего мы здесь сидим, пошли в сквер, там полно этих... елок-сосен...

Две дамы преклонного возраста были задержаны сотрудниками правопорядка в городской зоне отдыха за попытку вырубки вечнозеленых насаждений. После проведения беседы женщины отпущены домой с обещанием не совершать подобных действий...

P.S. Время сейчас ложное, нерадостное, вот мне и захотелось как-то отвлечь от грустных мыслей и развлечь. И еще сказать: любите друг друга, слушайте друг друга, чтобы не упустить время, а после не пытаться вернуть невозвратное...

Или... чтобы не угодить в глупую (смешную) ситуацию, очень похожую на детскую игру в испорченный телефон!

Март 2022г.